

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ В СТАЛИНСКОЙ (ДОНЕЦКОЙ) ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941–1943 гг.)

М. И. РЕБРОВА

Статья посвящена деятельности религиозных объединений на территории оккупированной Сталинской области. В 1942 г. в регионе были созданы два епархиальных управления: Енакиевское возглавлялось протоиереем Арсением Кнышевым и находилось в юрисдикции митрополита Алексия (Громадского); Макеевское возглавлялось протоиереем Петром Качевским и находилось в подчинении епископа Таганрогского Иосифа (Чернова). К сентябрю 1943 г. в области были открыты 233 церкви и молитвенных дома. Автор полагает, что, несмотря на то что регион оказался включенным в военную зону, оккупантами проводилась пропаганда автокефализма. Но реальной почвы для деятельности УАПЦ в области не было. В связи с чем ради разобщения верующих захватчики могли использовать группы иоаннитов, стефановцев и секты.

В период немецкой оккупации территория Сталинской (Донецкой) области не вошла в состав рейхс-комиссариата «Украина»: регион был включен в военную зону, подчиненную непосредственно командованию германской армии. Находившиеся на территории области органы немецкого военного управления являлись самостоятельными отделами при полевых комендатурах, штабах армий и т. д.¹ На все должности высшего руководства административных и карательных органов населенных пунктов региона были поставлены немцы², а в полиции служили местные жители. В период оккупации в регионе царили «произвол... террор, заложничество, пытки, издевательства, массовые аресты, заключение в концлагеря и уничтожение мирного населения». В области было расстреляно, брошено в шахты, умерщвлено в лагерях, госпиталях, застенках гестапо и полиции свыше 100 тыс. человек. 130 тыс. человек было угнано в Германию³. Жизнь в оккупированных районах Сталинской (Донецкой) области была парализована, «население загнано и морально подавлено», а населенные пункты разрушены.

¹ См.: Титаренко Д. Донбасс навесні 1943 року, німецькі документи свідчать // Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. Кн. 12 / Головний редактор З. Г. Ліхолобова. Донецьк, 2006. С. 26.

² Например, военными комендантами Сталино, которому оккупанты вернули его прежнее название «Юзовка» и вокруг которого концентрировалась вся жизнь края, были сначала немецкий полковник Петерс, а затем подполковник Кенц, начальником гестапо — Моор.

³ ЦГАВОВУ. Ф. 3538. Оп. 1. Д. 24. Л. 40.

Как следствие, единственным чувством, которое население Донетчины питало к оккупантам, была ненависть⁴.

Урон, нанесенный Донецкому краю, был огромным⁵. До войны здесь функционировали 1532 школы, из которых оккупанты уничтожили 710⁶. Что касается «новых», «немецких» школ, общие четырехклассные начальные школы действительно организовывались в крупных поселках региона. Но порой для них не хватало ни помещений, ни школьного инвентаря, который был сожжен оккупантами во время боевых действий⁷. Возможно, открывавшиеся школы были аналогичны тем, которые создавались в соседней Днепропетровской области. В начале 1942 г. в Днепропетровске было открыто несколько начальных школ с платным обучением, в которых в основу «идеологического» воспитания детей был положен как обязательный предмет «Закон Божий». Для этих школ оккупационным отделом просвещения была издана «инструкция», согласно которой работать в них разрешалось только учителям, получившим образование до Октябрьского переворота 1917 г. или не позднее 1921 г. Задача таких школ была сформулирована вполне достойно, с нравственной точки зрения: «дать детям твердые знания, практические трудовые навыки, воспитать в них любовь к родине, уважение к старшим, уважение к религиозным убеждениям других, любовь к чистоте и порядку и все это без практицизма, без грубого материализма». Однако в реальности эффективность этих школ была крайне низкой. Обучение было платным (стоимость обучения в немецких школах в Днепропетровске на 1 марта 1942 г. составляла 30 руб. в месяц). Учились дети в неотапливаемых помещениях, без учебников и тетрадей. За неимением учебников преподавание чаще всего ограничивалось «Законом Божиим» и арифметикой⁸. Акцент на религиозном воспитании, в том числе на уважении «к религиозным убеждениям других»⁹, был неслучаен — он был не столько самоцелью, сколько элементом идеологической программы немцев, основанной на противопоставлении советской идеологии.

Свою основную задачу в идеологической сфере оккупационные власти видели прежде всего в пропаганде «нового порядка», чему, в частности, служили газеты и другие печатные материалы. Для их распространения в наиболее крупных городах Сталинской области были созданы читальные залы, куда отделы пропаганды нацистов поставляли свою литературу. В целях пропаганды также использовали автомобили с громкоговорителями и иные средства агитации¹⁰. Оккупанты осуществляли массированную информационную атаку на население. Все выходившие до войны на Украине и в регионе советские газеты были закрыты¹¹. Вместо них немцы начали выпускать на Украине несколько десятков газет на украинском языке¹². В Сталинской области это были «Родная земля»,

⁴ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 60. Л. 4, 9; Д. 336. Л. 1

⁵ ЦГАВОВУ. Ф. 3538. Оп. 1. Д. 24. Л. 18, 40.

⁶ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 451. Л. 49.

⁷ См.: *Титаренко*. Указ. соч. С. 30.

⁸ ЦГАООУ. Ф. 3538. Оп. 1. Д. 24. Л. 52–56.

⁹ Там же. Л. 54.

¹⁰ См.: *Титаренко*. Там же. С. 28.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2302. Т. 2. Л. 123–124; ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 2 ч. Д. 451. Л. 46.

¹² ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 2 ч. Д. 451. Л. 5.

«Украинская земля», «Украинский Донбасс» и др. «Донецкий вестник» был русскоязычным изданием.

Практически любое событие в регионе находило свое отражение в немецкой прессе. Газета «Донецкий вестник» откровенно признавалась, что цель оккупационных властей — формирование человека «нового порядка»: профашистски настроенного, ненавидящего все советское, желающего жить в условиях «немецкой цивилизации» и имеющего «новый взгляд» на «обновленные» оккупантами жизненные реалии. Захватчиками через газеты активно формировался образ «врага» — советского солдата, воюющего против немецкой «армии-освободительницы»¹³. Обычно такие статьи заканчивались лозунгами: «Пусть прошлое зарастет чертополохом»; «Воинственный германский народ... освободит Украину от кровавого жидовско-коммунистического ига»¹⁴. В Новогоднем поздравлении 1 января 1942 г. немцы не только «выражали уверенность», что «победителем в этой ожесточенной схватке будет не варварская Москва, а культурная Германия», но и сообщали, что «из руин большевистского наследия уже восстали к жизни обновленная школа, церковь, театр»¹⁵. Тем не менее, согласно данным советской разведсводки, к подобной «брехне фашистских борзописцев» население Восточной Украины относилось «с презрением», и в большинстве своем немецкие газеты использовались жителями оккупированного Донбасса только в качестве оберточной бумаги¹⁶.

Несмотря на свою очевидную идеологическую ангажированность, газеты оккупационного периода, выходившие на Донбассе, являются важнейшим источником информации о взаимоотношениях Церкви с немецкой властью. То, что регион не вошел в состав рейхс-комиссариата «Украина», наложило отпечаток на его церковную жизнь. Область была освобождена от внедрения национальных моментов: украинского языка, службы на украинском языке и т. д. А немецко-фашистские оккупанты обязаны были действовать в соответствии с распространявшейся инструкцией «Поведение войск в религиозных вопросах по отношению к местному населению». В ней, в частности, оговаривалось, что немцам следовало не запрещать, но и не поддерживать «религиозную деятельность местного населения, держаться в стороне от этих мероприятий; военным священникам не предпринимать никаких шагов и не проводить религиозную пропаганду, направленную на местное население; не допускать и не привлекать священнослужителей из рейха либо иных стран в оккупированные районы; не проводить богослужения для вермахта в бывших церквях; разрешить местному населению открыть церкви, закрытые “советским режимом”». Что касается вышеупомянутого принципа «уважения к религиозным убеждениям других»¹⁷, на практике он обернулся поддержкой расколов и сектантских течений, конечной целью которой было разъединение населения на оккупированной территории.

¹³ Оперативные сводки // Донецкий вестник. 1941. № 2.

¹⁴ За образцовую рекламу // Там же. 1941. № 6.

¹⁵ С Новым годом, господа читатели! // Там же. 1942. № 15.

¹⁶ ЦГАООУ. Ф. 3538. Оп. 1. Д. 24. Л. 58.

¹⁷ Там же. Л. 54. Цит. по: Донеччина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Донецк, 2008.

Как и повсюду в России, оккупационные власти открыли в Донецком регионе немало храмов. Данная кампания была отнюдь не результатом заботы нацистов о религиозной свободе, но также носила пропагандистский характер. Неслучайно открытие новых храмов широко освещалось в немецких газетах. Так, газеты «Свободная Украина» и «Днепровская газета» размещали заметки об открытии церквей в селах и городах Днепропетровской и Ворошиловградской (Луганской) областей¹⁸. В Юзовке (Донецке) первым был открыт молитвенный дом на 9-й линии¹⁹, вторым — молитвенный дом на Ларинке, о чем была помещена статья в «Донецком вестнике» от 15 ноября 1941 г. Затем молитвенные дома стали открывать и в области. В «Донецком вестнике» от 21 декабря 1941 г. была размещена уже заметка об открытии молитвенного дома в с. Авдотьино²⁰, а в украинско-язычной газете «Украинский Донбасс» от 25 декабря 1941 г. — об открытии церкви в Горловке²¹.

Если с 1935 по 1941 г. на территории Сталинской области «действующих православных религиозных обществ» не было²², то с осени 1941 г. по 7 сентября 1943 г. (до освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков) в области было открыто 232 церкви²³. Уже к началу 1942 г. церквей и молитвенных домов в городах было 44, в селах — 138, в поселках — 33. Во всех этих храмах в 1942 г. были проведены пасхальные службы. В них приняло участие значительное количество жителей: в городских церквях — от 2 до 3 тыс. человек, в поселках — больше 1000 человек, в сельских храмах — более 600 человек²⁴.

До 1942 г. все открывавшиеся православные приходы были, по всей видимости, «дикими», т. е. не подчинялись «никакому центру, кроме немецкого местного коменданта»²⁵. В 1942 г. в области были созданы два епархиальных управления: Донецкое (располагалось в Орджоникидзе (Енакиево)) и Макеевское. Донецкое управление, возглавляемое протоиереем Арсением Кнышевым, находилось в юрисдикции главы Украинской Автономной Православной Церкви митрополита Алексия (Громадского)²⁶. Макеевское управление, возглавляемое протоиереем Петром Качевским, признавало своим главой епископа Таганрогского Иосифа (Чернова)²⁷. Приходы южной части Сталинской области — Мариуполя и окрестностей — с 1942 по 1943 г. окормлялись архиепископом Ростовским Николаем (Амасийским)²⁸.

Оккупанты были заинтересованы в том, чтобы открывалось как можно больше церквей, что создавало видимость «духовного освобождения». Основным содержанием проповедей священников, по их требованию, должен был стать те-

¹⁸ ЦГАООУ. Ф. 3538. Оп. 1. Д. 24. Л. 9–10, 58.

¹⁹ Так в Донецке называли некоторые улицы.

²⁰ См.: Открылся молитвенный дом на Ларинке // Донецкий вестник. 1941. 15 ноября.

²¹ См.: З релігійного життя // Український Донбас. 1941. № 2.

²² ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 5. Д. 239. Л. 1.

²³ ГАДО. Ф. Р-4022. Оп. 1. Д. 37. Л. 64.

²⁴ Там же. Д. 3. Л. 23.

²⁵ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 90. Л. 26

²⁶ Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 11.

²⁷ ГАДО. Ф. Р-4022. Оп. 1. Д. 15. Л. 97.

²⁸ Николай (Амасийский) Николай Васильевич // Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 391–392.

зис о немецкой «армии-освободительнице», благодаря которой прекращается коммунистическая пропаганда атеизма и вновь открываются храмы. Поэтому коменданты зачастую сами предлагали священникам открыть новые церкви и спрашивали, где это следует сделать. А так как открытие храмов было сопряжено со многими трудностями (отсутствие кадров, помещений, церковной утвари и т. д.), оккупанты сами же помогали решать эти проблемы. Как следствие, церкви открывали в самых разных местах, часто в непригодных помещениях; церковную утварь вывозили из музея; антиминсы нередко приносили сохранившиеся их священники. Кроме того, немцы способствовали восстановлению и ремонту полуразрушенных храмов. Рабочим, которые были этим заняты, официально выдавалась зарплата; с ними заключались договоры²⁹.

Самой сложной задачей был поиск кадров духовенства. Если в соседнем Днепропетровске курсы по подготовке священнослужителей были открыты по инициативе управы³⁰, а в Харькове их открыло епархиальное управление, то в Сталинской области ничего подобного не было. Как следствие, в Юзовке и области в период оккупации привлекались к служению в основном довоенные священнические кадры. Священников либо находили и приглашали служить сами прихожане, либо (реже) их обнаруживали и привлекали к служению немецкие власти. В частности, протоиерей Арсений Кнышев стал настоятелем Покровского молитвенного дома в г. Орджоникидзе (Енакиево) «по просьбе верующих»³¹. Вторым священником был назначен иеромонах Варлаам (Семисал)³², киевлянин. Перед вновь образовавшимся приходом встал проблема юрисдикционной принадлежности. Когда в июне 1942 г. иеромонах Варлаам поехал по «личным делам» в Киев, духовенство г. Орджоникидзе поручило ему узнать, кто из канонических архиереев остался в Киеве. Иеромонах должен был выяснить, кто мог бы взять приход под свое окормление. В конце июля 1942 г. иеромонах Варлаам вернулся из Киева и привез письмо от канонического епископа Пантелеимона (Рудыка), принадлежавшего к Украинской Автономной Церкви митрополита Алексия (Громадского). В письме говорилось, что, «согласно решения Экзарха Украины Митрополита Алексия Громадского, на Украине существует автономная православная церковь». Именно с ней православным верующим Донетчины предлагалось «иметь молитвенное общение». В письме также содержалось предупреждение, что на Украине существует так называемая Украинская автокефальная церковь (УАПЦ), возглавляемая «архиепископом» Поликарпом (Сикорским). Ввиду ее раскольнического характера донетчанам иметь с ней общение не рекомендовалось. Послание владыки Пантелеимона заканчивалось словами: «Поэтому предлагаю Вам организовать Донецкое Епархиальное управление, на которое призываю Божие благословение». По благословению епископа Пантелеимона председателем Донецкого епархиального управления стал протоиерей Арсений Кнышев. После решения всех организационных вопросов епархиаль-

²⁹ ГАДО. Ф. Р-4022. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

³⁰ ЦГАООУ. Ф. 3538. Оп. 1. Д. 24. Л. 59–60.

³¹ Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760. Л. 11.

³² По другим источникам: Семисало.

ным управлением было написано «официальное извещение», которое было отпечатано в городской типографии и разослано во все районы Донбасса³³.

За непродолжительный период (до 15 января 1943 г.) протоиереем Арсением была проделана колоссальная работа. Прежде всего были открыты церковные приходы «на территории Донецкой епархии», в которую на тот момент вошли территории современных Луганской (ранее Ворошиловградской) и Донецкой областей. При непосредственном участии протоиерея Арсения был организован и открыт 91 церковный приход. Всего же на территории двух областей было учтено 544 прихода. Протоиереем Арсением были созданы благочиния. Благочинным Артемовского района был назначен протоиерей Евгений Ломакин, Марьинского — священник Евстафий Гавриленко, Горловского — протоиерей Гавриил Коханов (позже священник Афанасий Гаркуша). Благочинным Ворошиловградской области стал протоиерей Константин Анпилогов, который принял активное участие в открытии церковных приходов, в связи с чем и был поставлен во главе благочиния³⁴. В обязанности благочинного входило выявлять, где и какие в области открываются храмы, давать назначения духовенству к этим храмам с последующим утверждением их в епархиальном управлении. В этот период всем храмам региона было возвращено право осуществлять регистрацию крещений, браков и погребений, выдавать метрики, а также вести приходно-расходные книги.

По представлению протоиерея Арсения Кнышева были рукоположены священники Яков Гуль, Григорий Гавриленко, Павел Орловский, Павел Еремко, Константин Ломакин и Николай Литвинов. В 1943 г. епископом Пантелеимоном был возведен в сан протоиерея священник Преображенской церкви г. Юзовки Фирсанов. Кроме того, на Донетчине был намечен кандидат во епископы — вдовствующий протоиерей Пальчевский. В декабре 1942 г. протоиерей Арсений Кнышев попытался открыть в Енакиеве свечной завод. Необходимое оборудование он приобрел, но подходящего помещения для завода не оказалось. Кроме того, в епархии была налажена издательская деятельность: здесь печатали молитвословы, бланки разрешительных грамот и венчики для отпеваний³⁵.

Параллельно с епархиальным управлением с центром в Енакиеве на Донетчине функционировало духовное управление в Макеевке, возглавляемое протоиереем Петром Качевским. До войны протоиерей Петр жил и служил в г. Сталино (Донецке), но после закрытия церкви переехал в Макеевку. С началом немецкой оккупации отец Петр стал тайным благочинным Макеевского округа. На его учете состояли священники, которые по его благословению совершали на дому у верующих требы и ездили в близлежащие населенные пункты для бесед с населением по поводу перспектив открытия новых храмов. Таким образом, протоиереем Петром было открыто 46 приходов, вследствие чего потребовалось создание управления, которое было организовано в 1942 г. с разрешения городского головы Макеевки и коменданта немецких оккупационных войск. В состав управления вошли протоиерей Петр Качевский (председатель), священники Ивлев и Пальчевский, секретарь Иванов. Деятельности управления активно со-

³³ Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 19, 21.

³⁴ Там же. Д. 75754 фп. Л. 14–15.

³⁵ Там же. Л. 31, 72, 154.

действовали священники Пашкевич, Лиринский и Годзиевский. Помимо священников из Макеевки и района, под управление протоиерея Петра перешли священнослужители из Юзовки и окрестных селений³⁶, а также из Харцызского, Амвросиевского и других районов — вплоть до Таганрога³⁷.

Согласно архивным документам, два управления официально узнали о существовании друг друга летом 1942 г. Отношения двух протоиереев не сложились. Даже из описываемых ими обстоятельств встречи и начальных попыток сотрудничества видно, что между двумя протоиереями имела место борьба за власть. При этом именно протоиерей Арсений Кнышев стал инициатором объединения двух управлений под омофором епископа Пантелеимона (Рудыка). А учитывая то, что к этому времени приходы, открывавшиеся протоиереем Петром Качевским, были по-прежнему «дикими», это было крайне необходимо. Протоиерей Арсений взял на себя инициативу созвать в Юзовке совещание, призванное определить, кто же в дальнейшем будет руководить епархией. Свидетельства двух протоиереев о состоявшемся в Юзовке совещании священнослужителей (дата, некоторые обстоятельства и проч.) расходятся. Но тем не менее нет сомнений в том, что на совещании было принято решение «послать декларации» в Киев епископу Пантелеимону. Однако протоиерей Петр в Киев не поехал. Позже появилась информация, что он и его люди направились в Таганрог к епископу Иосифу (Чернову). Тем временем церковная делегация из Енакиево получила письмо от епископа Вениамина (Новицкого), который приказывал протоиерею Петру признать председателем управления протоиерея Арсения и соединиться с ним «во благо Церкви»³⁸.

Протоиерей Арсений Кнышев сразу же после возвращения из Киева был вызван в гестапо, куда также был приглашен и протоиерей Петр Качевский. Как можно предположить из материалов дела протоиерея Арсения, беседа в гестапо стала, с одной стороны, «прощупыванием почвы» на предмет возможности внедрения в регионе автокефализма, а с другой — наметила направление, в котором, по мнению оккупантов, должны были развиваться отношения между духовенством и немецкими властями. Характерно, что ответы протоиерея Арсения были не только тверды, но и абсолютно грамотны с канонической точки зрения и демонстрировали его четкую и смелую позицию относительно принадлежности вверенных ему приходов Русской Православной Церкви. Так, когда протоиерея спросили о его отношении к митрополиту Сергию (Страгородскому), он ответил, что не имеет никакого общения с митрополитом из-за расчлененности территории, а согласно Постановлению Собора Русской Православной Церкви 1918 г., «если по обстоятельствам времени, территория будет разобщена... допускается автономия церкви с Экзархом, который находится в Почаеве», то есть с митрополитом Алексием (Громадским). Что касается «Украинской автокефальной православной церкви», то протоиерей Арсений Кнышев объяснил, что он ее не признает точно так же, как не признавал и ранее, поскольку она «самосвятская». На вопрос гестаповцев о том, как бы протоиерей Арсений отнесся к автокефалистам на Донбассе, он ответил, что «отрицательно, потому что к миру

³⁶ Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 14.

³⁷ См.: О епархиальном церковном управлении // Юзовский вестник. 1942. С. 5.

³⁸ Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 14, 22.

церковному не привело бы, а его у нас и так нет» и «Донбасс мало питает симпатий к Самосвятам». Тогда же в гестапо отцу Арсению была дана «установка»: «как руководитель церковной жизни в Донецкой области» он должен «рекламировать и популяризировать немецкую Структуру Управления на Украине» везде, где это будет возможно³⁹.

Как показал дальнейший ход событий, в ситуации с православными приходами оккупантов вполне устроило бы объединение двух уже существовавших управлений в одно под окормлением епископа Пантелеимона. При непосредственном участии оккупационных властей сразу же после «беседы» в гестапо в соборе Юзовки состоялся съезд священнослужителей области. На нем поднимались два вопроса: 1) о том, что председателем Донецкого епархиального управления является протоиерей Арсений Кнышев; 2) о том, что Донецкая епархия окормляется епископом Пантелеимоном. Кроме того, на съезде была выработана формула поминования. Теперь полагалось поминать Вселенских Восточных Православных Патриархов, митрополитов, архиепископов и епископов Греко-Российския Православныя Церкви и т. д., а также «Богохранимую страну нашу православную — вождей ея и воинство их». Также звучали призывы «соединиться и не дробиться на части». После принятых на съезде решений протоиерей Петр Качевский вместе с несколькими священниками окончательно и бесповоротно отошли от протоиерея Арсения Кнышева и присоединились к епископу Иосифу (Чернову), находившемуся в Таганроге.

Возможно, что, помимо личных разногласий между протоиереями Арсением и Петром, на размежевании двух управлений в какой-то мере могло отразиться территориальное деление Сталинской области, некоторые населенные пункты которой (от Макеевки до Иловайска) в свое время относились к Войску Донскому и тяготели к Ростову и Таганрогу. Еще одной вероятной причиной разделения могло стать неприятие протоиереем Петром и близкими к нему священниками западно-украинского происхождения большей части епископата Украинской Автономной Православной Церкви, в том числе епископа Пантелеимона. В нем безосновательно подозревали «автокефализм» и «униатство». Характерно, что в показаниях протоиерея Петра Качевского под словом «киевляне» одинаково подразумеваются как представители Украинской Автономной Православной Церкви, так и автокефалисты. По словам протоиерея Петра, епископ Таганрогский Иосиф (Чернов) якобы сказал ему (имея в виду епархиальное управление протоиерея Арсения Кнышева, созданное по благословению владыки Пантелеимона (Рудька), уроженца Галиции), «что все епископы... из Запада есть Униатские Епископы и с ними не следует иметь ни канонического, ни молитвенного общения»⁴⁰. Однако достоверность этих слов вызывает сомнения хотя бы в силу того, что сам епископ Иосиф со временем вошел в состав Украинской Автономной Церкви.

Тем не менее, несмотря на размежевание между протоиереями Кнышевым и Качевским, по настоянию немецкого руководства 1 декабря 1942 г. ими был подписан акт о едином Донецком епархиальном управлении во главе с протоиереем Арсением. Об этом 3 декабря 1942 г. сообщила газета «Донецкий вестник». В ста-

³⁹ Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 21, 22, 23.

⁴⁰ Там же. Л. 24–25.

тье «О епархиальном церковном управлении» было сказано: «...на основании подписного акта от 1 декабря 1942 года в Юзовском отделе народного воспитания и культуры между управляющим Донецким епархиальным управлением протоиереем А. Кнышевым и б. временным председателем Макеевского управления о. П. Качевским о том, что с сего числа в Донецкой области существует и действует единое Донецкое епархиальное церковное управление; резиденция его временно находится в г. Рыково (Енакиево, Донецкой области), о чем сообщается всему православному духовенству и верующим Донецкой области. Все распоряжения б. временного церковного управления в г. Макеевке отныне считаются недействительными. О.о. благочинным Донецкой епархии предлагается срочно произвести полную регистрацию всех приходов и подведомственного духовенства и направить в епархиальное управление для персонального утверждения. Во временном управлении о. П. Качевского остаются районы Макеевский, Харцызский, Амвросиевский и до г. Таганрога. Благочинным Сталинского, Авдеевского, Старобешевского, Волновахского, Ольгинского районов являются прот. о. Евдоким Пальчевский, он же и член епархиального управления»⁴¹.

Но вскоре после подписания вышеупомянутого акта протоиерей Петр Качевский отказался от своей подписи. Об этом он сообщил чиновнику оккупационных властей Баранову, ссылаясь на поспешность и необдуманность своих действий. Протоиерей Арсений Кнышев реагировал на действия Качевского весьма эмоционально. 15 января 1943 г. он издал указ о том, что руководителем епархиального управления становится протоиерей Евдоким Пальчевский, а духовником — священник Преображенского собора Михаил Арбелли; передал им через священника села Старо-Михайловки Петра Паскевского дела и выехал в соседний Днепропетровск⁴². Между тем протоиерей Петр Качевский, несмотря на то что был избран в Донецкое епархиальное управление, «продолжал деятельность Макеевского епархиального управления» под окормлением епископа Таганрогского, вплоть до своего ареста в 1944 г.⁴³

Что касается Мариуполя и прилегающих к нему населенных пунктов, здесь тоже открывались молитвенные дома: в Мариинском районе, в Новоселовке, в порту, в центральной части города. Верующим было разрешено занять под храмы бывшие государственные здания: клубы, магазины и проч. Так, например, Свято-Преображенский собор открыли в пятиэтажном здании предприятия «Азовсталь». Туда из Мариупольского краеведческого музея были перенесены мощи святителя Игнатия Мариупольского. В Мариуполе открыли курсы по подготовке псаломщиков, диаконов и священников; была установлена должность епархиального проповедника-апологета; организовано преподавание Закона Божиего; а в кафедральном соборе каждую неделю устраивались религиозно-просветительские беседы-чтения⁴⁴. Начиная с 1942 г. Мариуполь окормлялся архиепископом Ростовским Николаем (Амасийским). К концу 1942 г. архиепископ Николай также вошел в состав Украинской Автономной Церкви. В 1943 г.

⁴¹ Донецкий вестник. 1942. 3 декабря.

⁴² Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 26.

⁴³ ГАДО. Ф. Р-4022. Оп. 1. Д. 15. Л. 99.

⁴⁴ Церковная хроника // Мариупольская газета. 1943 № 91(254) (10 августа).

он был заочно осужден за «связь с гитлеровцами», однако сумел эвакуироваться с немцами в Румынию⁴⁵.

Несмотря на то что население Донецкого края с очевидностью поддерживало каноническую Православную Церковь, немецко-фашистские оккупанты предприняли попытку экспортировать на территорию области автокефалистское движение. Согласно спецсводке НКВД, вошедший в юрисдикцию так называемой Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ) «митрополит» Феофил (Булдовский) распространил свое влияние, наряду с Харьковской, Полтавской, Ворошиловградской и частично Курской и Воронежской, и на Сталинскую область. Но, по всей видимости, автокефалистские общины концентрировались преимущественно в Харьковской области, где находился в этот период сам Феофил (Булдовский)⁴⁶. Косвенным доказательством того, что автокефалистское движение не имело успеха в Донецком регионе, может свидетельствовать тот факт, что в донецких профашистских газетах не публиковалась информация об открытии на Донетчине автокефалистских церквей. Между тем в аналогичных изданиях соседних областей, где общины УАПЦ действительно открывались (например, в Днепропетровской), такие сообщения публиковались⁴⁷. Кроме того, в обнаруженной нами оккупационной прессе Юзовки не содержалось каких бы то ни было местных материалов «церковно-националистического характера». Единственная найденная нами националистическая статья «Рідна Церква» («Родная Церковь») оказалась перепечаткой из «Краковских вестей». Основной мыслью статьи было утверждение, что якобы «на протяжении долгих веков была Православная Церковь на Украине инструментом в руках Москвы», стремившейся «к полному уничтожению всякой украинской индивидуальности», и только с приходом немецко-фашистских оккупантов настало время «возрождения церкви» (перевод мой. — *М. Р.*)⁴⁸.

Тем не менее попытки «расшевелить» людей на предмет украинизации богослужения и т. д. особым успехом не увенчались. Как уже отмечалось, по поводу автокефализма гестапо проводилась беседа с протоиереем Арсением Кнышевым. Кроме того, оккупантами предпринимались попытки украинизировать богослужение в другом крупном центре области — Горловке, где и председатель городской управы, и городское «СД» неоднократно предлагали настоятелю Николаевского собора протоиерею Николаю Войтковскому ввести в городе богослужение на украинском языке. Протоиерей мотивировал свой отказ тем, что в Горловке преобладает русское население⁴⁹.

Что касается собственно деятельности автокефалистов на Донетчине, пожалуй, единственным их «достижением» стало то, что они внесли в свою службу здравицу за немцев. Но даже в условиях немецко-фашистской оккупации их инициатива полностью провалилась: «Сами молящиеся во время... службы про-

⁴⁵ Николай (Амасьинский Николай Васильевич) // Лавринов В., прот. Цит. соч. С. 391–392.

⁴⁶ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 90. Л. 26, 11.

⁴⁷ См.: Посвята храму // Дніпропетровська газета. 1941. № 16. 18 апр. С. 2.

⁴⁸ Рідна Церква // Донецька Церква. 1942. № 5. 11 янв. Л. 2.

⁴⁹ Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75806 фп. Л. 26–27.

тестовали и говорили... что-же Вы нас заставляете молиться за победу немецкого оружия над Красной Армией, когда там мой отец, мой сын». После чего автокефалисты начали говорить о победе над врагом, не конкретизируя его⁵⁰.

В литературе есть информация, что «митрополит» Феофил (Булдовский) получил указание от «митрополита» Поликарпа (Сикорского) направить в крупные города Левобережья епископов-автокефалистов. Среди «рекомендованных» Сикорским городов значились Мариуполь и Ворошиловград (современный Луганск)⁵¹. Но документальных подтверждений присутствия в Мариуполе автокефалистского «епископа» нами не обнаружено. Исходя из того, что на 1 января 1945 г. в Сталинской области автокефалистов уже не было, можно предположить, что, зная о возможном наказании за сотрудничество с оккупантами, немногочисленные автокефалистские священнослужители отступили с немецко-фашистскими войсками⁵².

Годы Великой Отечественной войны — это время активизации не только церковной жизни, но и раскольнической, и сектантской. Так как автокефалистское движение распространения на Донетчине не получило, вполне возможно, что в целях разъединения общества оккупанты попытались использовать в области правую церковную оппозицию. Еще в 1920-х гг. в с. Ольгинка Сталинской области действовала община иоаннитов. С приходом немецких войск иоанниты всенародно поддержали оккупантов как освободителей. После открытия в селе церкви священник Еременко открыто благодарил немецкое командование за то, что оно вернуло людям храм, а летом 1942 г. добровольно служил благодарственный молебен немецкой армии и вождям со здравицей⁵³.

Что касается стефановцев из с. Зайцево Горловского района, косвенным доказательством положительного отношения к ним оккупантов можно считать функционирование здесь образованного еще до войны монастыря. Возглавляла монастырь Е. А. Пыжова, вполне возможно монахиня (по делу она проходила как схиигуменья Серафима и последовательница учения Стефана Подгорного). Согласно делу, Пыжова имела «тесную связь с немецким командованием и их карательными органами, от которых получала всемерную поддержку... а также материальную помощь». Такая материальная помощь была вполне возможной. Монастырь в Зайцево был богатым: он включал в себя два дома, два флигеля, сарай, подвал, колодец. После его закрытия властями были конфискованы фотоаппарат «Фотокор», часы, множество вещей и посуды. Внутренняя жизнь монастыря была тщательно скрыта от посторонних глаз. В монастыре жили и работали молодые девушки, покидавшие его только для сбора денег. Кроме них, возможно, в Зайцево жили бывшие насельники из Кобылянского, Козельщанского монастырей и из Киево-Печерской лавры. В последние годы Пыжова держала связь с бывшим архимандритом лавры Михаилом (Костюком), после

⁵⁰ Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75806 фп. Л. 26–27.

⁵¹ См.: *Феодосий (Процюк), митр.* Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М., 2004. С. 475.

⁵² ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

⁵³ Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75755 фп. Л. 1, 31.

задержания которого из Киева в Зайцево приезжал человек, сообщивший о его аресте.

Что касается сектантов, они зачастую были на службе в немецких органах и соответственно имели поддержку у немецкого офицерства: немецкие офицеры приходили на сектантские собрания и даже делали на них выступления. Так, в Юзовке на одном из собраний сектантов немецкий офицер выступил со следующим заявлением: «Братья и сестры, мы пришли к Вам освободить Вас от евреев и коммунистов, чтобы Вы могли свободно молиться». Активизировались в годы войны и поддерживаемые оккупантами баптисты, которые продолжили свою деятельность и после войны⁵⁴.

При этом свое «влияние» на церковную жизнь региона немецко-фашистские захватчики пытались использовать чуть ли не до последних дней оккупации. А в пропагандистских целях использовалось в том числе празднование Светлого Христова Воскресения. Так, в апреле 1943 г., перед Пасхой, в земледельческом товариществе к востоку от Юзовки начали передавать населению земельные участки. В период военного лихолетья это было более чем актуально, но тем не менее далеко не все люди восприняли эту новость с радостью⁵⁵. Как не дали ожидаемых результатов и выплаты пенсий и денежных пособий.

Параллельно в Юзовке появилось «Объявление немецкого командования о порядке празднования Пасхи 1943 г.». В нем сообщалось, что Главное командование признает, что «Пасха является для всех украинцев и русских самым большим праздником всего года». Вследствие чего к Пасхе населению были выданы продукты и пособия; в Великий Четверг увеличилось время хождения по улицам; в Пасхальную ночь был отменен запрет на «хождения»; а первый и второй дни Пасхи объявлялись выходными. Кроме того, жителям были предоставлены полевые кухни, а сами оккупанты приняли участие в устройстве и украшении праздника⁵⁶.

В ответ на это в освобожденных районах Сталинской области тоже было разрешено праздновать Пасху. Народным комиссаром внутренних дел УССР В. Т. Сергиенко было отправлено Н. С. Хрущеву специальное сообщение «О реагировании церковников в связи с разрешением ночных пасхальных богослужений». В документе было отмечено: «Разрешение ночных пасхальных богослужений 22 и 24 апреля с. г. в действующих церквях освобожденных местностей Ворошиловградской, Харьковской и Сталинской областей вызвало положительные реагирования со стороны духовенства и верующих». Вслед за этим в храмах освобожденных городов и сел Харьковской и Сталинской областей были организованы сборы продуктовых посылок и средств на посылки фронтовикам, а священники выступали с патриотическими проповедями, в которых призывали верующих оказывать всемерную помощь Красной армии. После проповедей прихожанки праздновали только первый день Пасхи, а в по-

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2291. Л. 78; Архив временного хранения Управления СБУ в Донецкой обл. Ф. 8563-2ф, Д. 3851. Т. 1. Л. 3, 16, 41, 44, 55, 85, 86, 129, 172, 175.

⁵⁵ См.: *Титаренко*. Указ. соч. С. 28.

⁵⁶ Поведение войск в религиозных вопросах... С. 147.

следующие дни работали на полевых работах и на возведении оборонительных сооружений⁵⁷.

В сентябре 1943 г. Донбасс был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Отступая, немцы сжигали храмы⁵⁸. О какой бы то ни было «лояльности» по отношению к Церкви уже не могло идти и речи.

Таким образом, в годы немецко-фашистской оккупации на территории современной Донецкой области была возобновлена церковная жизнь. Ее особенности были обусловлены тем, что регион оказался включенным в военную зону, подчиненную непосредственно командованию немецкой армии. Это препятствовало внедрению в церковную жизнь «националистических элементов» (украинизации богослужения и пр.). Но при этом религиозная пропаганда автокефализма (только среди духовенства) все-таки проводилась. Политику оккупантов в религиозной сфере в регионе вполне можно охарактеризовать как контроль за деятельностью духовенства и стремление направить религиозную жизнь в крае в выгодное для них русло. При этом, несмотря на то что немцы стремились привнести в Донецкий регион автокефалистское движение, едва ли они хотели добиться его доминирования над канонической Церковью. Поскольку почти повсюду в рейхс-комиссариате «Украина» немецкие власти старались уравновесить деятельность канонических церковных структур автокефалистскими, эта же тенденция была применена ими и к Сталинской области, где, однако, реальной почвы для деятельности структур УАПЦ практически не было. В связи с чем верные своему принципу противопоставлять друг другу конфликтующие религиозные течения ради разобщения верующих оккупационные власти на Донетчине использовали с этой целью группы ИПЦ (иоанниты, стефановцы) и секты.

Ключевые слова: рейхс-комиссариат «Украина», Украинская Автономная Православная Церковь, Украинская автокефальная православная церковь, религиозное объединение, епархиальное управление, церковь, приход, прихожане, епископ, священник, раскол, секты.

Список сокращений

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

ЦГАВОВУ — Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины

ЦГАООУ — Центральный Государственный архив общественных объединений Украины
Отраслевой государственный архив СБУ — Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины

Архив временного хранения Управления СБУ в Донецкой области — Архив временного хранения Управления Службы безопасности Украины в Донецкой области

ГАДО — Государственный архив Донецкой области

⁵⁷ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 90. Л. 41–43.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 235. Л. 8.

RESUMPTION OF CHURCH LIFE IN THE STALIN (DONETSK) REGION UNDER GERMAN OCCUPATION (1941–1943)

M. REBROVA

The article is devoted to the activities of religious associations in the territory occupied by Stalin area. In 1942 in the region there were two diocesan administration: Yenakiyevo (headed by Archpriest Arseny Knyshev) — in the jurisdiction of the Metropolitan Alexy (Gromadsky) and Makeyevka (headed by Archpriest Peter Kachevsky) is subordinate to the bishop of Taganrog Joseph (Chernoff). But by September 1943, the area was open 233 churches and prayer houses. The author believes that, despite the fact that the region has been turned into a military zone, the occupiers carried out propaganda of avtokefalizm. But the real basis for action in the field of UAOC was not. In this connection, for the separation of believers, the invaders could use group loannite stefanovtsev and sects.

Keywords: Reichs-Commissariat «Ukraine», the Ukrainian Autonomous Orthodox Church, Ukrainian Autocephalous Orthodox Church, religious associations, diocesan administration, church, parish, parishioners, bishops, priests, split, sect.

Список литературы

1. Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Донецк, 2008.
2. З релігійного життя // Український Донбас. 1941. № 2.
3. За образцовую рекламу // Донецкий вестник. 1941. № 6.
4. Николай (Амасийский Николай Васильевич) // Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016.
5. О епархиальном церковном управлении // Юзовский вестник. 1942. С. 5.
6. Оперативные сводки // Донецкий вестник. 1941. № 2.
7. Открылся молитвенный дом на Ларинке // Донецкий вестник. 1941. 15 нояб.
8. Поведение войск в религиозных вопросах по отношению к местному населению // Вперед. 1943. 24 марта. Цит. по: Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Донецк: Донетчина, 2008.
9. Посвята храма // Дніпропетровська газета. 1941. № 16.
10. Рідна Церква // Донецька Церква. 1942. № 5.
11. Село Авдотьино // Донецкий вестник. 1941. 21 дек.
12. С Новым годом, господа читатели! // Донецкий вестник. 1942. № 15.
13. Титаренко Д. М. Донбасс навесні 1943 року, німецькі документи свідчать // Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. Кн. 12 / Головний редактор З. Г. Ліхолобова. ДонНУ, 2006.
14. Феодосий (Процюк), митр. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004.
15. Церковная хроника // Мариупольская газета. 1943. № 91.